

При этом Ирану приходится считаться с интересами Европы и США, от которых зависит снятие с него нефтяного эмбарго. Турция, будучи членом НАТО и кандидатом в члены ЕС, не может позволить себе пуститься во все тяжкие ближневосточной политики. Поэтому бывшая метрополия разыгрывает роль «третьей силы», способной встать над межарабской схваткой. Цель монархий Залива – позволить суннитскому ИГ разгромить Асада и затем сравнять ИГ с шиитскими Ираком и Ираном. Цель Асада – сохранить свою власть. Кроме того, в Сирии воюет разношерстная оппозиция режиму Асада, не солидарная с ИГ. И вот в этой мутной воде решил наловить рыбы президент РФ Владимир Путин.

ЧТО ИЩЕТ ОН В СТРАНЕ ДАЛЕКОЙ?

Надо отдать должное кремлевским стратегам. Несмотря на «усталость» от украинского вопроса и экономическую тяжесть санкций, позиция Запада, решившего примерно наказать нарушителя мирового порядка, до недавнего времени оставалась непоколебимой. Чрезвычайные пропагандистские, дипломатические и коррупционные усилия не помогли Москве восстановить свое положение. Россия оказалась на грани экономического коллапса, последним шагом к которому могло стать даже частичное ограничение на закупку нефтепродуктов со стороны Европы. США, главный нынешний союзник Украины, оказывают на Европу в этом смысле разное и эффективное давление. Параллельно с продолжающимися санкциями Европа стахановскими темпами стоит терминалы для приема из США и арабских стран танкеров со сжиженным газом и перестраивает свою систему газопроводов, чтобы иметь возможность снабжать газом все свои уголки независимо от поставок из РФ. Кроме того, через год в Белый дом, независимо от того, кто победит на выборах, придет еще более антироссийский президент, и останется только догадываться, насколько сильно для российской экономики будут «закручены гайки».

И в этих критических для себя условиях Кремль нашел, возможно, самую хрупкую точку в этом глобальном конфликте. 30 сентября российская авиация атаковала так называемую сирийскую умеренную оппозицию. Это довольно разрозненные силы, противостоящие как армии Асада, так и Исламскому государству. Но их открыто поддерживают как Запад, так и саудиты в качестве единственной приемлемой альтернативы Асаду в Сирии. Если при помощи Путина Асад сумеет если не уничтожить, то лишить дееспособности и перспективы умеренную оппозицию, то Запад и арабские монархии окажутся в цугцванге. Поддержать фанатиков ИГ невозможно, да они и не примут поддержку. Следовательно, придется как минимум смириться с главенством Асада в Сирии. Вот тут Путин как патрон Асада и начнет стричь политические купоны: договариваться с США и саудитами о включении режима Асада в коалицию против ИГ, с Европой – о порядке возвращения на родину сирийских беженцев. Недаром спустя неделю после начала российских военных действий в Сирии, 7 октября, лидер Ирана (второго спонсора Асада) аятолла Хаменеи заморозил переговоры с США, объяснив это тем, что они не приносят никакой пользы. А уже 11 октября в РФ для переговоров прибыл представитель семьи саудовских монархов вместе с министром обороны.

О том, что США расценили действия РФ в Сирии как неожиданный и коварный удар, говорит невероятный отказ Вашингтона принять 14 октября для переговоров премьер-министра РФ Дмитрия Медведева. «Американская администрация нынешняя позволяет себе то, чего нельзя

РОССИЮ ОБВИНЯЮТ В МАССОВОМ НАПЛИВЕ БЕЖЕНЦЕВ

позволять — слабость, нерешительность, некомпетентность, — ну и просто не принимает должных мер, чтобы отстоять те или иные свои приоритеты», — заявил, комментируя отказ, Медведев. Конечно, российский премьер может выдавать взвешенность за нерешительность, стремление минимизировать человеческие жертвы за слабость, а миролюбие — за некомпетентность. Но, к сожалению, в случае с Сирией у США действительно оказалась слабая политика и, в результате, слабая позиция. Барака Обаму часто хвалят за моральную и честную политику, называя лидером нового типа, лидером образца XXI века. Проблема в том, что XXI век наступил далеко не на всем земном шаре. И в международной, особенно ближневосточной, политике сохранить моральность бывает так же сложно, как

остаться джентльменом, попав в драку в портовом кабаке. Но первый темнокожий президент Америки, лауреат Нобелевской премии мира, свернувший военное присутствие США в Ираке и Афганистане, за год до окончания 8-летнего президентского срока не станет сажать кровавое пятно на свой белоснежный плащ, в котором ему так хочется войти в мировую историю. Обаму можно понять: в стратегической перспективе позиция США ничего не грозит. Мир стоит на пороге очередной технологической революции, которая обрушит геополитическое значение нефтедобывающих стран. После этого драматические события на Ближнем Востоке будут интересовать разве что гуманитарные организации. Так что ситуативный выигрыш Путина в Сирии с этой точки зрения не имеет особого значения. Для США. Но не для нас.

“ «Предпринятая в одностороннем порядке российская военная операция в Сирии стала очередным симптомом ослабления роли Америки как стабилизирующего фактора на Ближнем Востоке, которую США приняли на себя по итогам арабо-израильской войны 1973 года».

Генри Киссинджер в статье в The Wall Street Journal

УКРАИНСКОЕ ЭХО СИРИЙСКОЙ ВОЙНЫ

Через несколько дней после начала российской военной кампании в Сирии эксперты, изучающие медиаполе, сообщили: поток запросов в Интернете и встречный поток сообщений в СМИ на тему Сирии впервые за два года перекрыл информационные потоки об Украине.

Накануне объявления первых официальных результатов расследования крушения малайзийского «Боинга» это был маленький, но выигрыш для России, давление на которую прямо связано с состоянием общественного мнения в западных демократиях. Еще большие дивиденды Путин извлек, переключив внимание российской публики с сообщений в Донбассе на сообщения из далекой, но теперь братской Сирии. За победными реляциями о вылетах, бомбометаниях, запусках ракет и разгромах штабов неведомых злодеев россияне не заметили отмену выборов в «ЛДНР», спуск флагов «Новороссии» с административных зданий, вывод части тяжелого вооружения и личного состава российской армии из оккупированных фрагментов Луганской и Донецкой областей.

Означает ли это, что Путин «слил Донбасс украм»? Ни в коем случае. Очевидная задача Кремля в сложившейся ситуации — тянуть время, делать вид, что процесс выполнения минских договоренностей продвигается, но фактически не потерять контроль над очагом воспаления, который ежедневно оттягивает огромные ресурсы бюджета Украины и в любой момент может стать рычагом политического влияния на всю страну. Поэтому, как минимум, судьба «ЛДНР» является предметом глобального торга — и по Крыму, и по сотрудничеству Украины с НАТО, и по энергетическим вопросам, и даже по совершенно меркантильным интересам российского бизнеса в Украине.

Что дальше? Это зависит от целого ряда факторов. Если Путину удастся реализовать свой план — стать международным поверенным в делах Сирии, договорившись об этом с США, ЕС и Саудовской Аравией, Россия должна вернуться к своей идее внедрить «ЛДНР» в Украину в формате широкой автономии. В лучшем случае это будет означать моральное поражение украинской «партии войны» и международное финансирование восстановления Донбасса. В худшем — глубокий политический кризис в Украине и восстановление влияния РФ на украинскую политику и экономику, пусть и не в таком масштабе, как это было при Януковиче.

Если же Обама найдет ответ на загаданную Путиным ближневосточную загадку, то в России, особенно на Кавказе, активизируются радикальные исламские движения, поддерживаемые саудитами, усилятся давление санкций со стороны США, Британии и Канады, нефть еще сильнее подешевеет. В Европе начнет нарастать протест против антироссийских санкций, а в России — недовольство политикой Путина. Украине же придется ожидать если не возобновления полномасштабных военных действий на Донбассе, то постоянных провокаций и боестолкновений. Задача наших дипломатов в этом раскладе — удержать статус-кво еще год, когда появится новый американский президент, готовый действовать без оглядки на Нобелевский комитет.

Задача простых украинцев — формировать гражданское общество и бороться с коррупцией. То есть строить такое государство, за которое Европе с Америкой будет интересно бороться, теряя огромные деньги, терпя внутренние конфликты и, возможно, рискуя жизнями своих солдат.